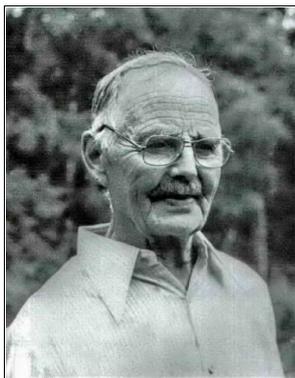

Дмитрий Житенёв

С юности я увлёкся охотой и даже специальность моя - биолог-охотовед. Именно охота помогла мне по-настоящему узнать Россию, страну, где я родился, Родину — от Беловежской Пуши до хабаровской тайги, от Северного Урала до калмыцких степей. Больше того, мне довелось подолгу жить на одном месте, роднясь с ним каждый прожитый месяц и год всё больше и больше. В Горном Алтае, например, я прожил три года и, работая начальником отдела Алтайского заповедника, провёл в седле почти год, проехав на своём Чалке, как подсчитал, более двух тысяч километров по горным таёжным тропам. И каждая поездка, казалось бы, по знакомым уже местам открывала что-то новое. Никогда за несколько дней не узнаешь по-настоящему душу того места, которое посетил. Надо прожить там долго, чтобы сродниться с ним.

Легенда Телецкого озера

Н.П.Смирнов, 1972 г.
фото В.Селегей

Многие, даже те, кто и не побывал на Телецком озере, слышали о **Николае Павловиче Смирнове**, гидрометеонаблюдателе в заливе Чири, феноменальном садовод, отце многочисленного семейства. Мне довелось с ним встречаться на протяжении многих лет — и когда я работал в Алтайском заповеднике, и когда бывал там наездами вплоть до 1982 года. К сожалению, фотографий не так уж много, а некоторые похожи друг на друга. Однако почти все они публикуются впервые, а портретов Доры Захаровны, жены Николая Павловича, так я вообще не видел. Предваряет фотографии текст из недавно увидевшей свет книги **Валентина Селегея**, бывшего начальника Озёрной метеостанции, «Телецкое озеро. Очерки истории».

Николай Павлович прожил на озере долгую, сложную, неординарную и в целом-то интересную жизнь, хотя счастлива или нет была эта жизнь — мог

оценить лишь он сам.

Его имя благодаря писателям **Глебу Горышину** и Елизару Мальцеву, многочисленным поколениям журналистов и кинодокументалистов имело всесоюзную известность и вполне заслуженную.

Родился он в 1902 году в Костромской области, а умер на Телецком озере в возрасте 92 лет, отдав озеру из них 65. Жил он в уютном и самом тихом уголке озера — в Кыгинском заливе, на конусе выноса горной речушки Чири, иногда, весной, в половодье превращавшуюся в бешеный поток, грохочущий камнями и бурными водами.

Праведным и самоотверженным, часто, изнуряющим, но всегда его радующим трудом он превратил некогда дикий берег в уютный райский уголок озера, вырастив чудный сад на сооружённых им из прибрежных камней террасах.

Почти 62 года он удивительно добросовестно проводил гидрометеорологические наблюдения на водомерном посту, заслужив неофициальный статус самого старого по стажу **наблюдателя Гидрометслужбы СССР** и России.

Многие десятилетия он вел бытовой и фенологический дневники, важность которых по-настоящему еще не оценена современниками. Думаю, что для будущего Биосферного заповедника, его историографов, зооботаников, ихтиологов, фенологов, климатологов они окажут неопределимую услугу и станут предметом глубокого изучения. Ценность их увеличивается по мере удаления нас во времени от "смирновской эпохи" Телецкого озера.

Они с Дорой Захаровной родили и вырастили 17 детей. Он сам принимал роды, а Дора Захаровна во все сезоны по только ей известной фармакологии заготавливала и применяла лекарственные травы. Старший сын Павел родился в 1928 году, а младшая Людмила — в 1958 году. В детстве у

них умер только один ребенок. В марте 1966 года, передвигаясь по неустойчивому весеннему льду утонула в озере 16-летняя дочь — стройная, высокая красавица Зина, а в июне того же года в истоке Бии утонул уже взрослый сын Георгий. Летом 1975 года погиб, перевернувшись на тракторе, сын Олег. Смерть детей глубоко потрясла родителей.

В 1965 году семья Смирновых уже насчитывала 46 человек — 16 детей, 20 внуков, 5 зятей, 3 снохи, плюс отец с матерью. Их дети жили в Яйлю, Артыбаше, Иогаче, Черге, Горно-Алтайске, Барнауле, Бердске, Новосибирске, Владивостоке. Главная особенность всех детей — высокая работоспособность и трудолюбие, здоровое честолюбие и хорошо развитое чувство собственного достоинства, независимость, свобода и отличное знание природы озера и горной тайги. Это всё вошло в них буквально с "молоком матери" и стало следствием социально-географической среды воспитания и быта.

Впервые я познакомился с семьей Смирновых летом 1962 года, а затем с 1965 по 1980 года общался десятки раз в год как с наблюдателем озерной станции. Его сын Николай и сноха Светлана работали на Озёрной станции. Я посещал почти всех их детей в местах проживания. Знаю семью не по легендам, отзываю местных жителей (среди которых были и кривотолки), и не только по книгам писателей и статьям журналистов, хотя и мои наблюдения не лишены субъективизма.

Н.П.Смирнов появился на заимке Жаркова в Чири 28 февраля 1927 года, пройдя пешком по льду от Артыбаша до мыса Купоросный.

Далее до устья Чолушмана добрался на баркасе с братьями Александром и Михаилом Бородиными, которые везли соль в долину Чолушмана. "Шли ночью, по низовке. Низкая облачность скрывала горы. Было холодно и страшно", — вспоминает Николай Павлович. От Кырсая Н.П. вместе с десятником по заготовке леса в Кыге добрался пешком по берегу в Кыгинский залив. В тот год по долине Кыги заготавливала лес артель из Инырги. Лес рубили выборочно, лучший. Подтаскивали брёвна к реке лошадьми и сплавляли "мулём". Плотили в заливе и "Партизан" три дня доставлял плот к истоку Бии. Иногда "низовка" разбивала эти плоты. Артелью руководил Софронов, которого впоследствии на охоте сильно покалечил медведь. "Бригада работала много, дружно и без выпивки. Когда же начинался сплав, а высокий уровень на Кыге держится недолго, работали круглосуточно..."

Николай Павлович проработал лесником до августа 1929 года. Затем принял водомерный пост Гидрометслужбы и проработал на нём до 1992 года.

Человек он был "нестандартный". В Петербурге он появился в 1917 году. Работал курьером в газете. В 1925 году он учился заочно на рабфаке вместе с братом будущего "серого кардинала" М.А. Суслова, который учился на этом же рабфаке, но уже тогда жил в отдельной комнате.

Здоровье не позволило жить и работать в городе и закончить рабфак. "Пошаливали нервы", вспоминает Н.П. По предложению врачей он уезжает на природу. Почти два года живет на Байкале, но не приживается там ("шалили белобандиты"). Узнает о Телецком озере и поселяется в Кыгинском заливе, где он и прожил 65 лет.

Его трудолюбие было удивительно. На кострах колол камень-плитняк и выложил почти полтора-сотметровую террасу (метровой высоты!) на склоне и посадил там сад. Вез на лодке с веслами с долины Чолушмана (а это 8 км) "до мозолей на ягодицах" навоз со стоянок овец и лессовидные, богатые минеральными природными веществами выносы Чолушмана и удобрял им свои огороды, которые орошал водоводами из речки Чири. В 1936 году, в редкое по мощности весеннее половодье, река Чири разрушила дом, усадьбу, огороды. Все начинал снова. В конце 40-х годов, когда его сад обложили непомерным налогом, решил его вырубить, но жена уговорила не делать этого.

Во время войны выжил озером и тайгой. Дети учились в интернатах и на квартирах в Балыкче и Артыбаше и на каникулы добирались кто как мог (иногда даже ночуя в пещерах, если заставали шторма или непрочный лёд).

Н.П.Смирнов был на редкость честным человеком, с обостренным чувством справедливости, особенно тогда, когда дело касалось охраны природы озера и заповедника. Однажды, когда его собака "свалила" со скалы марала, написал на себя докладную записку. Но и жителям южной части озера не давал возможности браконьерить. Его усадьба часто подвергалась нападению волков и медведей. Последние больше всего "ценили" его яблоки, ломая деревья (мне приходилось даже скрадывать медведя под окнами его дома).

Ни с одним из лесников на рядом расположенном кордоне он не уживался, назойливо напоминая им о соблюдении правил охраны природы.

Да и далеко не со всеми директорами он жил в мире и им постоянно напоминал о правилах заповедности, что вызывало неприязнь к нему.

Однажды в интервью корреспонденту газеты директор Г.М. Дорохов сообщил: "Лесники заповедника заготовили для маралов 500 центнеров сена". Зная, что лесники готовили "дутые" (внутри пустотелые) стога сена, он с иронией пишет в дневнике: "Прочли бы маралы, сколько им сена наготовили. Вот бы посмеялись над директором!"

Садовод и огородник он был высокопрофессиональный. Выращивал десятки сортов яблок, создавал свои "смирновские номерные". Его помидоры, достигавшие веса более килограмма, экспонировались на алтайских выставках. Дора Захаровна украшала усадьбу цветами.

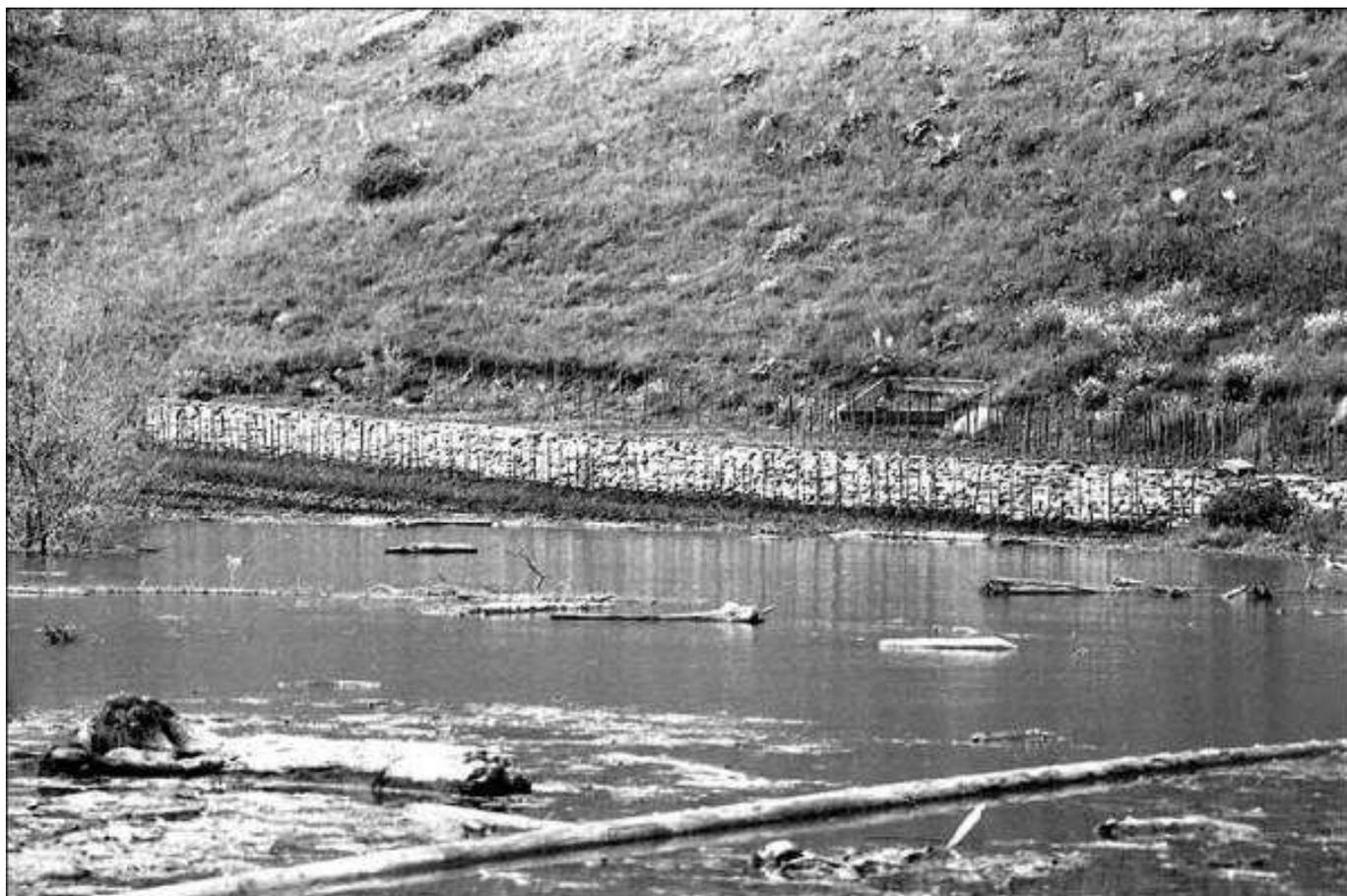
Гостеприимность их была просто поразительна и для гостей желанных и для "врагов" и просто посетителей. Копчёная рыба, мёд, фрукты, варенье, молоко, сметана, творог, отличный домашний хлеб — всё это называлось "заходите на чай".

В летний период за день кипятилось до 12 трёхлитровых чайников. На летней кухне печь топилась по 12-14 часов в сутки трех-четырёх метровым сухим бревном-"плавником", постепенно продвигаемым в огненное чрево печки.

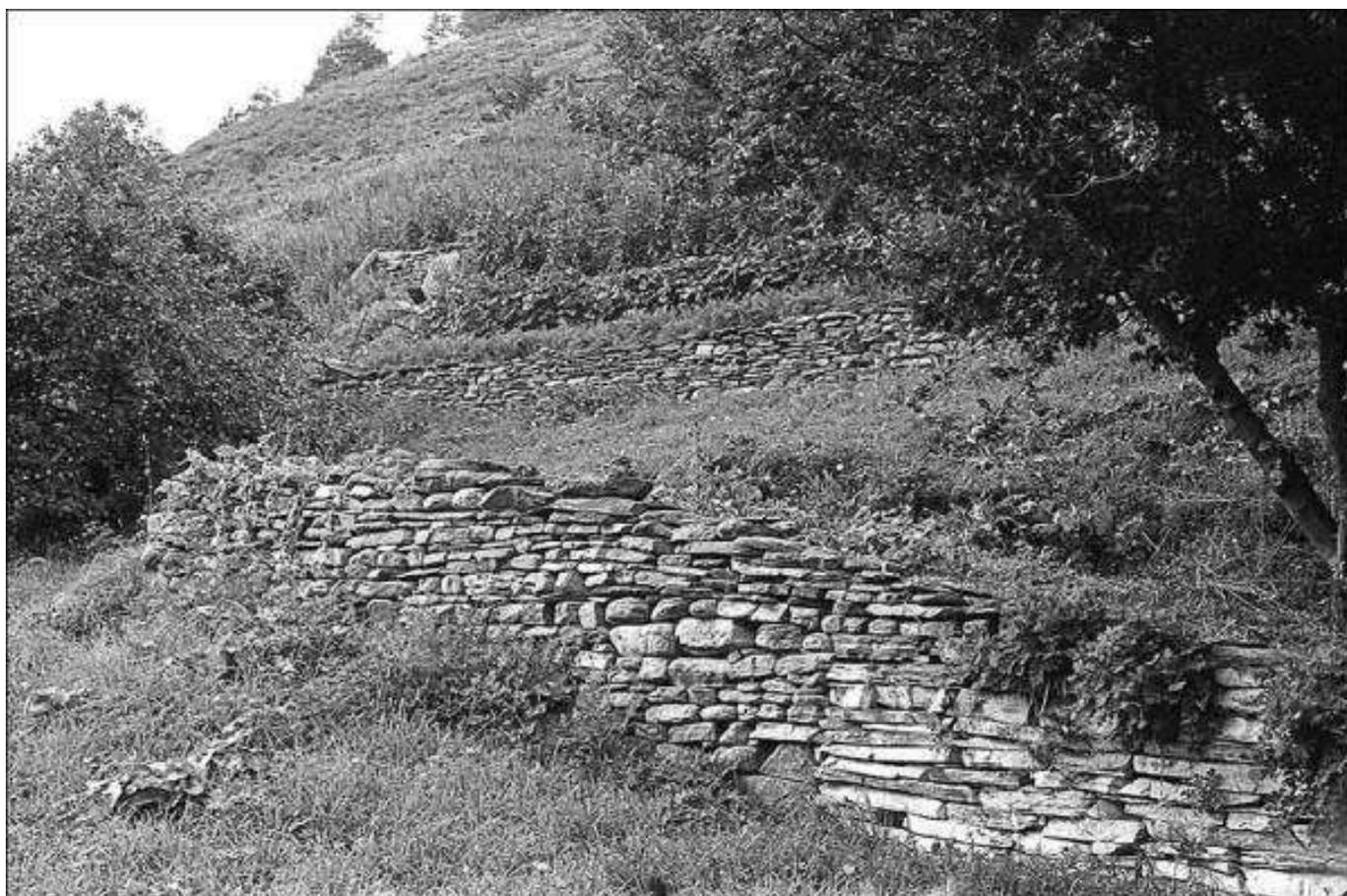
Его гостями на протяжении почти 60 лет были очень знаменитые люди: от Н.И.Бухарина и Я.Э. Рудзутака в середине 30-х до космонавтов, министров, писателей со всесоюзным именем в 80-х - 90-х гг. Руководители Турочакского района, лесокомбината, турбазы, заповедника считали своим долгом показать гостям телецкую "достопримечательность" - многодетного садовода-долгожителя озера.

Памятник Николай Павлович поставил себе рукотворный: это тот райский уголок Телецкого озера с каменными террасами и садом, водовод, ухоженные огороды и сенокосы. Кроме того, не менее важны, как памятник, его гидрометеорологические, фенологические и бытовые историографические дневники и книжки наблюдений. Для озера он всегда останется исторической личностью.

Высоко, на склоне в "Смирновском заливчике" постоянно напоминает о здешнем хозяине, террасированный с садом погост-усыпальница, построенный еще при жизни самим Н.П.Смирновым, где он и покоится с женой - матерью 17 детей.

Терраса на берегу, 1966 г.

Террасы, 1982 г.

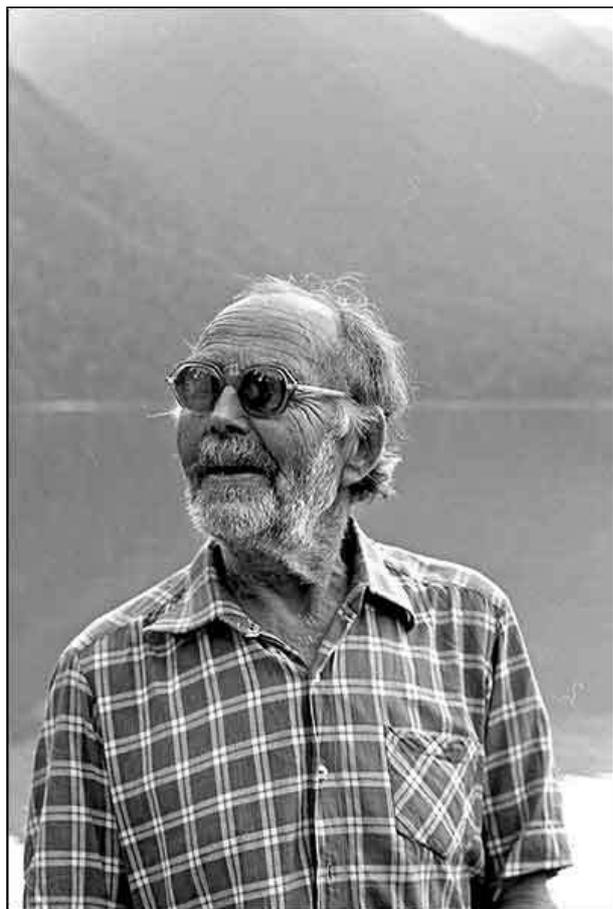
Виноград зреет, 1982 г.

Н.П. Смирнов с дочерью Натальей и зятем Анатолием Пыжанкиным, 1960 г

Николай Павлович Смирнов, 1966 г.

Восемьдесят лет старику! 1982 г.

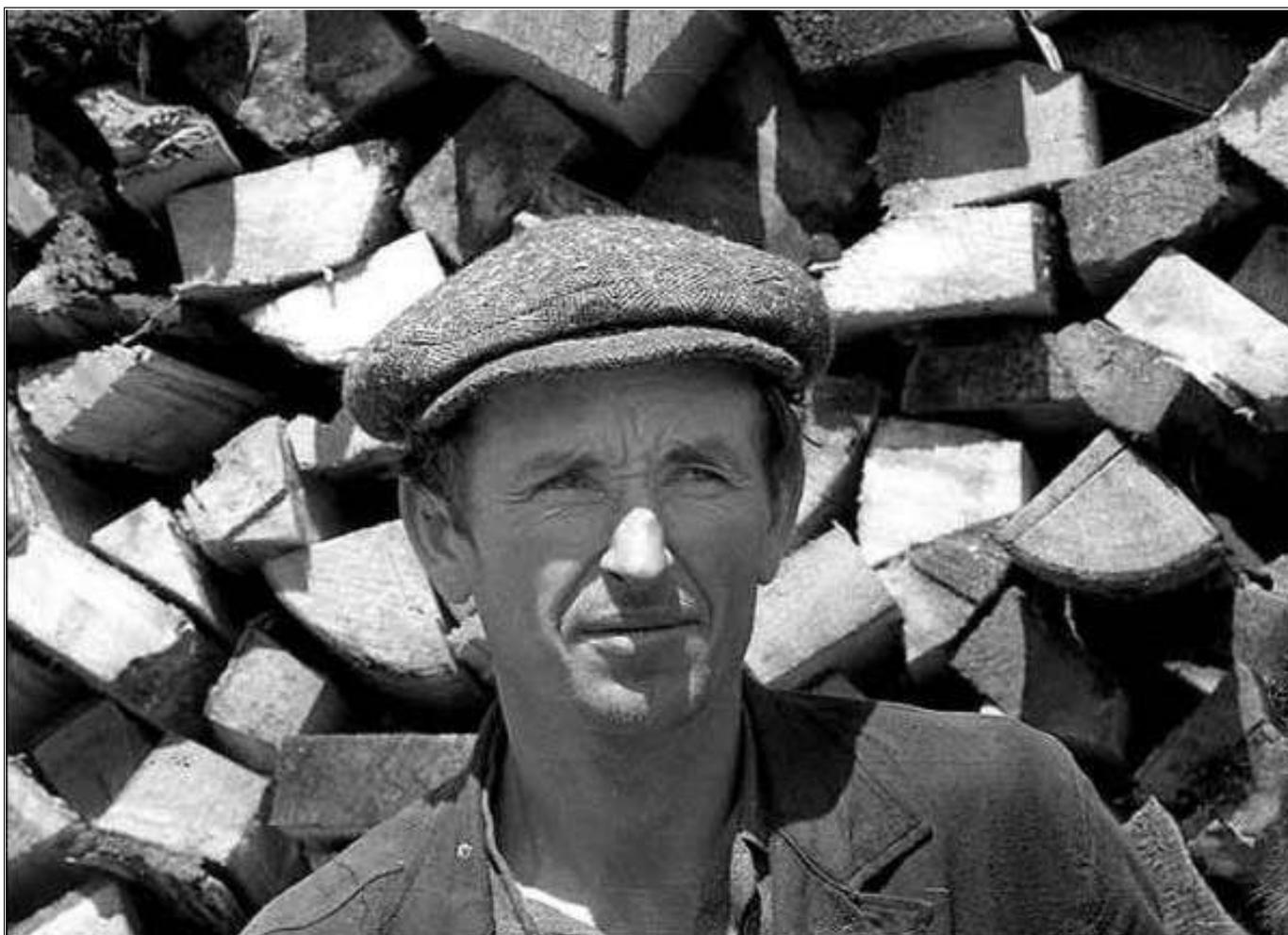
Сын Смирновых Георгий погиб на озере в 1966 г. Фото 1961 г.

Дора Захаровна Смирнова улыбнулась, 1966 г.

Дора Захаровна с внучкой Жанной (?), 1966 г.

Владимир Смирнов долгое время был капитаном турбазовского теплохода «Бриз». Родился он в 1931 году. Фото 1967 г.

Дом Смирновых в Чири, 1982 г.

Берёт пробу воды на химанализ, 1982 г.

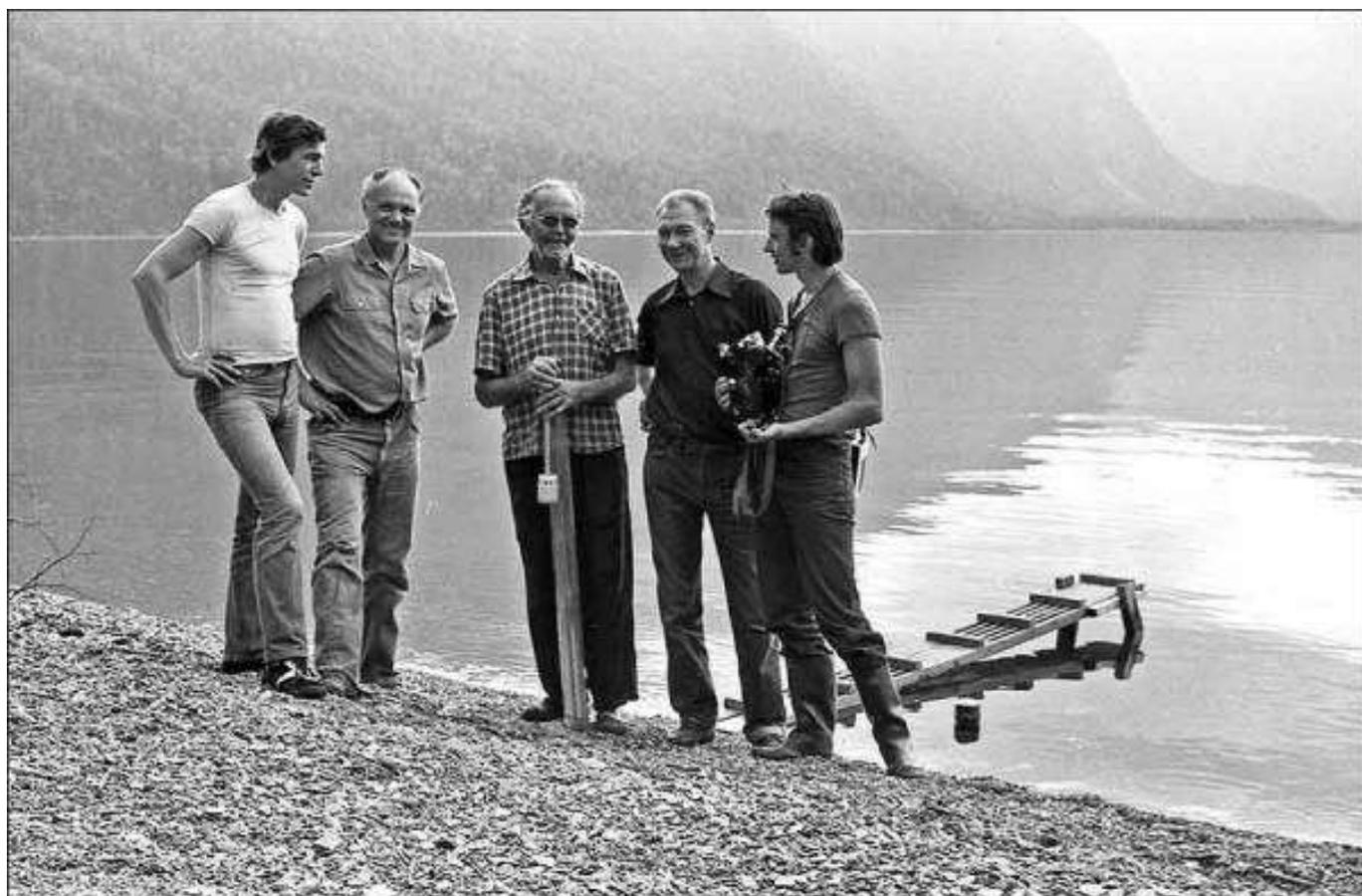
Н.П. Смирнов снимает показания метеоприборов, 1966 г.

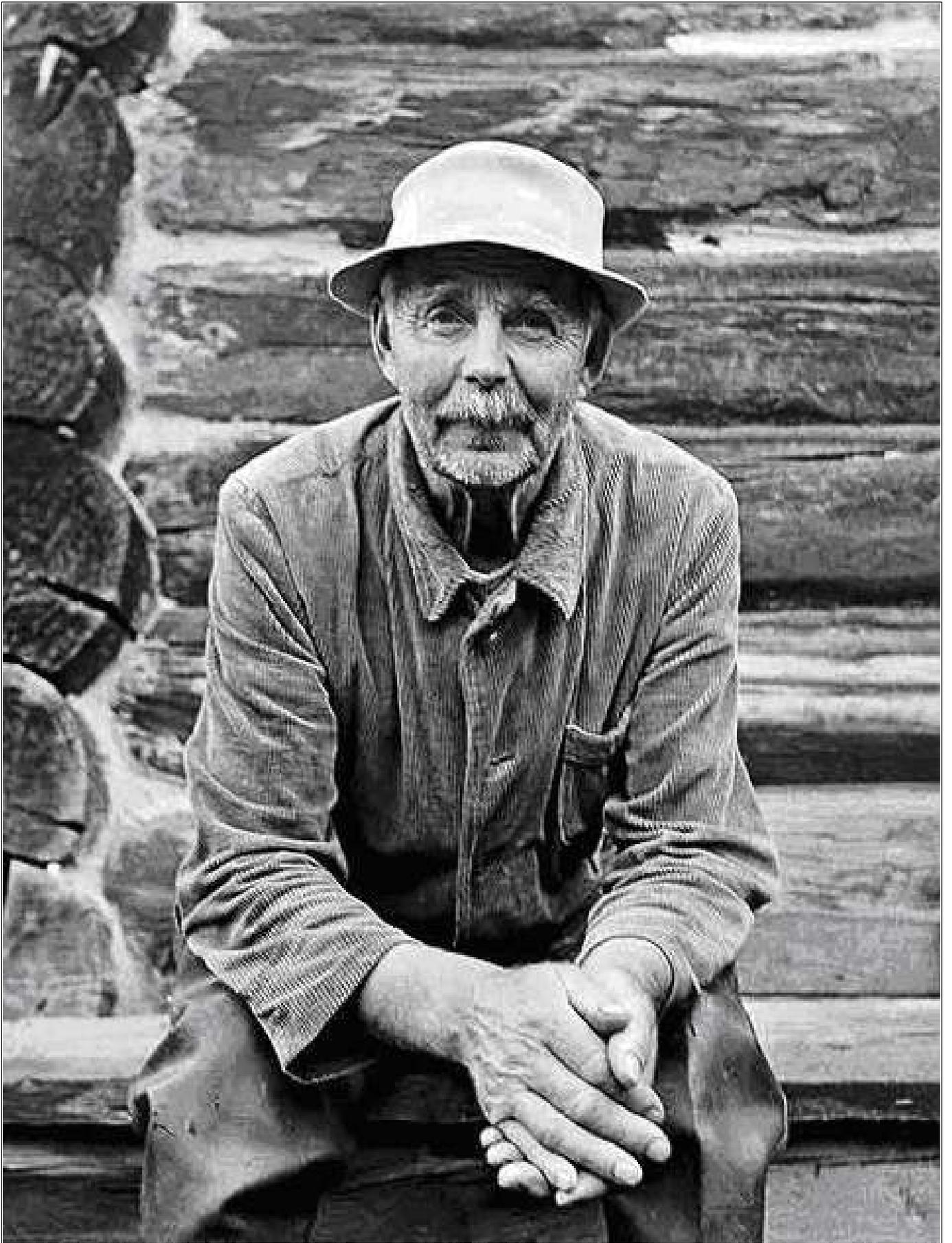
Николай Павлович измеряет температуру воды в озере, 1982 г.

Вся жизнь в работе. Ему 80 лет, а он тешет брёвна, 1982 г.

С киногруппой Центральной студии документальных фильмов из Москвы, 1982 г.

Позволю себе закончить эту подборку фотографий из жизни Смирновых небольшой цитатой из повести **Глеба Горышина**, который был с Николаем Павловичем очень дружен и много о нём писал. Повесть называется «**Алтайские дневники**» и основана на подлинных дневниках Н.П. Смирнова, которые в этой повести обильно цитируются.

«И всё дальше, дальше уходили берег Кыгинской губы, урочище Чири, шуршащая галька, выбеленный водой и ветрами плавник... Уходил от меня Николай Павлович Смирнов, такой родной мне, такой старый, со щетинистыми щеками, в темных очках... И бесконечно доброе, редко улыбающееся лицо Доры Захаровны... И яблоневый сад, виноградник, жареные хариусы на столе, молодая картошка в миске с домашним, своим маслом, с укропом, мёд, творог, копчёные телецкие селёдки, яйца, хлеб — о! хлеб, испёченный Дорой,— и подсохшая земляника со сливками, чай... И огромные, сваливающиеся с запястий от собственной тяжести кисти рук Николая Павловича...»

Мой товарищ предложил Доре Захаровне деньги за наш постой на заимке. Она улыбнулась. «У нас, алтайцев, это не принято. У нас кто придёт, тех угощаем. — Она посмотрела на мужа с выражением застарелой боли-любви. — Вот он русский, у них, может, по-другому...»